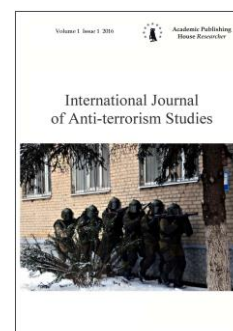

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
International Journal of Anti-terrorism Studies
Has been issued since 2016.
E-ISSN: 2454-0838
2019, 4(1): 3-15

DOI: 10.13187/ijats.2019.1.3
www.ejournal50.com

Articles

The History of Terrorism: Russian Revolutionary Terrorism (second half of XIX – beginning of XX centuries)

Andrey V. Mankov ^{a, *}

^a Military Academy of Communications named after S.M. Budenny, Russian Federation

Abstract

The article analyzes historical Russian terrorism. The author explores the main sources of this phenomenon, some features of the genesis of revolutionary terrorism in the second half of the XIX century and the evolution of the organizational forms of terrorist activity in the early 20th century. The main attention is paid to the historical aspects of the largest Russian populist revolutionary-terrorist organizations (Ishutinians, «People's Massacre», «Land and Freedom», «Narodnaya Volya») and terrorist tactics of the Socialist-Revolutionary Party (SR). The most significant facts of their terrorist practices are given. It is noted that in its history, Russian terrorism has gone through several stages: stages of Narodniks, Narodnaya Volya stage, Socialist-Revolutionaries etc.

Keywords: terrorism, stages of terrorism, revolutionary terrorist organizations, terrorist act, populists, Ishutinians, «The People's massacre», «Land and Freedom», «Narodnaya Volya», the Socialist Revolutionary Party, acts of internal terrorism, military officers.

1. Введение

На стыке XX–XXI вв. для очень многих наших соотечественников терроризм трансформировался из сугубо абстрактного понятия в абсолютно реальное социально-политическое явление, с которым приходится предельно серьезно считаться не только современному российскому государству, но и всему российскому обществу (Витюк, 1993; Тихонов, 2009). В обозримом будущем, видимо, по-прежнему, будет высокой активностью международного терроризма и его многочисленных экстремистских организаций против Российской Федерации и ее военно-политических союзников и партнеров (Кременчужский и др., 2005: 10-27). Актуальность нашего очередного обращения к теме терроризма, в тоже время, продиктована текущими задачами профессиональной подготовки офицеров российских Вооруженных Сил и Росгвардии, осуществляемой в условиях идущего на международной арене мощнейшего информационно-психологического противостояния между рядом крупных стран (США, Россия, Великобритания, Украина и др.). В этой связи, на наш взгляд, несомненно, очень интересен пример соседней Украины, где несколько лет проводилась «антитеррористическая операция» (АТО) (официально закончилась в апреле 2018 г.), но в которой невозможно было найти «настоящих террористов» и «конкретные

* Corresponding author
E-mail addresses: 63donetsk@mail.ru (A.V. Mankov)

теракты». В тоже время сегодня нельзя отрицать тот факт, что теракты несут определенную угрозу военной безопасности России, а военнослужащие РФ борются с террористами, например, на Северном Кавказе и в Сирии. Очевидно, что, в нынешней крайне сложной военно-политической обстановке большинству российских военнослужащих необходимы теоретические знания о природе, сущности и истории терроризма. Исходя из перечисленных факторов, по нашему мнению, в целях дальнейшего противодействия этому виду насилия постоянно растет необходимость дальнейшего проведения военно-научных и общенаучных, в частности, исторических исследований терроризма и его перманентного анализа в системе высшего военного образования, о чем мы уже неоднократно отмечали в последние годы в своих многочисленных опубликованных работах (Маньков, Минеева, 2017; Маньков, 2017; Маньков, 2016; Маньков, 2008).

2. Материалы и методы

Методологическую основу данной статьи составляют философские положения о диалектическом понимании истории. Автор следует последовательному анализу исторических событий, учитывая их взаимосвязь и взаимообусловленность. Основными методами исследования необходимо считать методы исторического анализа, статистики и сравнительный метод. Достижение поставленной перед исследователем цели осуществлялось путем использования различных источников: монографий, журнальных статей и справочной литературы по выбранной тематике.

3. Обсуждение

Терроризм, несомненно, является удивительно сложным и многоплановым социальным феноменом, познание которого вызывает большие концептуальные трудности и методологические проблемы. Однако в настоящем нам трудно не согласиться с теми специалистами, кто считает, что как любое крупное и значимое общественное явление он имеет не только свою историю, но даже этику и психологию (Будницкий, 2000). Еще в последние годы существования СССР выдающийся отечественный философ и социолог, специалист по «левому терроризму» В.В. Витюк подчеркнул, что терроризм, с которым столкнулось тогда наше государство и общество, имеет своих идеологических предшественников. Это были крайние радикалы, как из России, так и Европы и даже США (Витюк, 1993: 43). После распада Советского государства ряд авторов и экспертов уверены, что такое социально-политическое явление как терроризм совсем не молодое (Жаринов, 1999: 3; Вахрушев, 2011). Некоторые авторитетные российские ученые, например, считают, что в Российской империи еще уже давно и незаслуженно забытые обществом дворянские революционеры-декабристы планировали убийство царя в момент своего вооруженного восстания (Федотова, 2003: 5). В связи с этим, пожалуй, можно вспомнить удивительно интересное мнение белорусского историка В.В. Сергеенковой, которая полагает, что к этому факту можно отнести «истоки терроризма», так как именно среди декабристов «впервые ... зародилась идея цареубийства как средства сделать общество более справедливым» (Сергеенкова, 2009: 311). Соглашаясь с названными нами специалистами, а также другими уважаемыми авторами, сегодня нам представляется справедливым суждение о том, что мировая история терроризма насчитывает не одно столетие (Маньков, 2017). Возможно, что в этом году можно говорить о столетии терроризма в его современном осмыслении. Поводом для этого, по нашему мнению, может быть один из самых известных терактов прошлого, совершенный в германском Мангейме в мае 1819 г. против немецкого писателя А. фон Коцебу националистом К. Зандом (Нехамкин, 2015: 16).

В наши дни террорологическая проблематика в российском научном сообществе продолжает переживать стадию активного становления и развития, при этом постоянно растет количество высококачественных проведенных исследований. Особый интерес, на наш взгляд, представляют фундаментальные труды крупных отечественных историков К.В. Гусева, О.В. Будницкого и Р.А. Городницкого (Гусев, 1975; Гусев, 1992; Будницкий, 2000; Городницкий, 1998). Например, исследователь революционного движения и, в первую очередь, партии эсеров, К.В. Гусев уделит внимание организации «Народной воли». Он писал о «терроре народовольцев», как «источке тактики индивидуального террора, получившей широкое развитие в партии социалистов-революционеров» (Гусев, 1992: 7).

Много полезной информации и оригинальных рассуждений содержит работа В.А. Вахрушева (Вахрушев, 2011). Так, характеризуя дооктябрьский период российского терроризма, В.А. Вахрушев назвал его «новой эпохой терроризма» (Вахрушев, 2011: 192). Более того, тематика терроризма периодически пополняется исследованиями авторов из разных регионов нашей страны, которые анализируют этот предмет с учетом местных особенностей террористической тактики и практики в первом десятилетии XX в. Среди большого множества этих специалистов, по нашему мнению, следует выделить воронежского историка О.Н. Квасова (Квасов, 2012; Квасов, 2010; Квасов, 2005), а также средневожских ученых В.Н. Кузнецова, О.А. Сухову, Е.К. Минееву, А.Б. Полякова и их работы, посвященные революционному терроризму начала XX в. в исследуемых ими районах России (Кузнецов, 2010; Кузнецов, 2007; Сухова, 2012; Mankov et al., 2016; Маньков, Минеева, 2017; Поляков, 2011).

Указанная тема достаточно часто исследуется и в зарубежной историографии, в частности, в США. К слову, американский историк У. Лакер отнес начало генезиса революционно-террористического направления в России к 1869 г. (Будницкий, 2000: 22). Однако единую концепцию российского революционного терроризма, по мнению специалистов, разработал другой американский ученый Н. Неймарк (Будницкий, 2000: 23). На наш взгляд, любая разработанная учеными классификация, конечно, довольно условна. С другой стороны, при имеющихся спорных вопросах, отдельные положения работы Неймарка весьма полезны при изучении истории российского терроризма и сегодня (Будницкий, 2000: 23). Так, с 1861 по 1907 гг. автор выделил 3 стадии террористического процесса в Российской империи (терроризм периода «Великих реформ» и радикализации студенчества, терроризм периода конфронтации между правительством и террористами-народниками, терроризм периода открытой схватки между террористами и полицией и войсками), с чем можно, в наши дни, как согласиться, так и, несомненно, поспорить (Будницкий, 2000: 23).

В числе самых интересных, но и своеобразных работ по теме терроризма можно выделить работу американско-израильского историка А. Гейфман «Убий! Революционный террор в России. 1894–1917». В ней автор очень справедливо отмечает, что «террор практиковали все революционные партии» (Гейфман, 1997: 3).

С другой стороны, несмотря на проводимые многочисленные исследования, российский революционный терроризм, по нашему мнению, продолжает оставаться слабо изученным в историческом аспекте социальным явлением. Так, например, разнообразно трактуются генезис и становление этого явления. В то же время история терроризма дает нам важные уроки, о которых мы часто забываем, в частности, о том, что история в случае с терроризмом чаще повторяется как трагедия, а не как фарс (Будницкий, 2000: 3). Повышенный интерес, на наш взгляд, как для исследователя социально-политического насилия, так и практика противодействия терроризму представляет вопрос – какие этапы в своем развитии прошел российский терроризм? Эти обстоятельства определяют цель представленной работы. В статье исследуются исторические аспекты генезиса, становления и развития российского революционного терроризма.

4. Результаты

Терроризм представляется нам в большинстве случаев групповым феноменом. Структура его как явления, в первую очередь, включает террористические организации, экстремистскую идеологию и собственно террористические действия, т.е. теракты. Основу любого коллективного действия составляют организации. Исходя из этого, наш анализ истории терроризма должен быть основан на поиске организационных структур насилия.

В своих рассуждениях об истории отечественного терроризма мы исходим из того, что собственно террористических организаций в России до последней четверти второй половины XIX в. не существовало. Во второй половине XIX в. терроризм в рамках некоторых подпольных оппозиционных структур был представлен лишь обсуждением идеи царубийства. Однако оппозиционная часть российского населения постепенно все шире и шире брала идею террора на вооружение. Особое место, при этом, в идеологии революционеров заняла идея царубийства. К слову, покушение на царя полагалось оппозиционерами, как правило, как сигнал к началу противоправительственных действий

для широких слоев населения. С другой стороны террор считался как средство борьбы за общественную справедливость. Так же можно утверждать, что российский революционный терроризм, активно развернувшийся в самом начале XX в., не является случайным событием в отечественной истории (Седов, 1966; Щербаков, 2013). Он имел свои прочные социальные корни и исторические истоки.

Автор считает, что истоки российского революционного терроризма следует отнести к тайному оппозиционному обществу ишутинцев, возникшему в Москве в 1863 г. из кружка, примыкавшего к «Земле и воле» Н.Г. Чернышевского. Ишутинцы (организатор и руководитель – уроженец г. Сердобска Пензенской губернии московский студент Н.А. Ишутин) были одной из первых революционных подпольных групп. Данная группа действовала на протяжении более 2,5 лет (1863–1866 гг.). Небольшой московский революционный кружок вышел за пределы города и превратился в структуру национального масштаба. Ее филиал появился позже и в столице. В течение этих лет ишутинцы постоянно развивались, увеличивались размеры группы, эволюционизировала их тактика. Отношение ишутинцев к террору, в частности к цареубийству, не было однозначным – одновременно они и хотели и боялись этого, не понимая, как повидут себя царская власть, народ и интеллигенция. Однако ишутинцы, как мы считаем, первыми поставили на повестку дня оппозиционеров вопрос об использовании террористических методов в отечественном революционном движении, а ее участники первыми совершили теракт.

К 1866 г. в составе общества образовалась особо законспирированная группа «Ад», которая должна была по замыслу ее создателей совершать особые действия, в том числе, и теракты. 4 апреля 1866 г. член общества мелкопоместный саратовский дворянин бывший студент Казанского и Московского университетов и двоюродный брат Ишутина Д.В. Каракозов неудачно стрелял в центре Петербурга в императора Александра II (Жаринов, 1999: 59). Это событие явилось первым терактом в нашей стране. После этой попытки организация была разгромлена, а ее члены репрессированы властями. Первый русский революционер-террорист Каракозов был оперативно задержан на месте теракта и вскоре казнен по приговору суда.

Одним из примеров дальнейшей радикализации молодежи и, в частности, столичного студенчества, рассуждавшего о терроризме и цареубийстве, явилась тайная организация «Сморгонская академия». Из ее рядов вышли многие участники студенческого движения 1869 г. и организации, созданной в том же году С.Г. Нечаевым (Козьмин, 1929: 163).

Уроженец г. Иваново учитель Нечаев стал ведущей фигурой начального периода истории российского революционного терроризма (Будницкий, 2000: 38). Помимо того, что в 1869 г. Нечаев организовал в Москве тайное общество, которое называлось «Народная расправа», он собрал вместе остатки разбитых ишутинцев, разделил их на «пятёрки» и построил в иерархическом порядке, как в тайных обществах Западной Европы. Для вербовки своих членов Нечаев применял обман и мистификацию. Он первым сформулировал идею строгой конспирации. Так, нижестоящая «пятёрка» подчинялась вышестоящей, зная только одного её члена, который ею руководил. Нечаев требовал железной дисциплины, абсолютного подчинения рядовых членов «организатору» и крайней централизации кружков. Создаваемое им тайное общество, должно было представлять собой некую революционную сеть. Нечаев разработал все документы будущей организации, находясь в Швейцарии, а в России заявил, что он агент женева Револуционного Комитета. Цель этого общества – разрушение самодержавного строя. Тактика организации подразумевала, в том числе, и террор.

Нечаев считал, что Россия стоит на пороге революции (датой ее начала он видел весну 1870 г.), в которой его организация будет играть основную роль. Его «Катехизис революционера» – первая российская квазитеррористическая программа (1869 г.). Знаменитый русский философ Н.А. Бердяев писал, что Нечаев проповедывал «беспощадный террор» (Бердяев, 1990: 138). Он назвал Нечаева «предшественником большевизма» (Бердяев, 1990: 139).

«Народная расправа» совершила только один теракт – 21 ноября 1869 г. Лично Нечаев и несколько членов центральной «пятерки» зверски убили участника организации студента И. Иванова, обвиненного Нечаевым от имени таинственного Револуционного Комитета из

Женева в предательстве (Будницкий, 2000: 43). С другой стороны считать, что это действие было однозначно террористическим нам весьма сложно («дело Нечаева»). Интересно то, что «Нечаевщина» вызвала в глазах общества и противников царизма стойкую аллергию к насилию.

Новым периодом последующего становления российского терроризма стал терроризм оппозиционеров, который довольно условно можно назвать внутренним. Это было особое время развития этого явления в нашем государстве, связанное с ликвидацией участников народнических организаций, обвиненных в предательстве или провокаторстве. В течение ряда лет на юге империи (Одесса, Киев, Харьков, Ростов-на-Дону) было осуществлено порядка 14, так называемых, «акций возмездия». В числе первых из них оказалось изуверское посягательство на жизнь народника Н.Е. Гориновича, который к счастью, остался жив, но на всю жизнь стал инвалидом и скрывал под маской от людей свое лицо, обезображенное серной кислотой (Пелевин, 2014: 137). Этот акт был осуществлен 11 июня 1876 г. в Одессе небольшой группой народников из кружка «южных бунтарей» (Л. Дейч, В. Малинка и др.).

Однако прошло еще пару лет, пока терроризм превратился в атрибут российского революционного движения. Подобная трансформация, по нашему мнению, просходит только с 1878 г. В этот год революционная месть явилась главным мотивом действий не только малых народнических групп, но и нового состава организации «Земля и воля» в Петербурге и созданного уроженцем г. Таганрога В.А. Осинским Южного Исполнительного комитета Русской социально-революционной партии. Комитет действовал в Киеве, а также в городах Малороссии и Новороссии. В его состав входили, в основном, экстремистски настроенные землевольцы (Седов, 1966: 75-77). Это был, на наш взгляд, уже народнический этап российского терроризма.

Одной из доминантных причин дальнейшего изменения тактики революционеров явились итоги «хождения в народ» разночинцев в 1870-е гг. Пропаганда этими многочисленными народниками своих взглядов в сельской местности ничего кроме разочарования им не принесла. Крестьяне оказались не готовы к восприятию даже умеренных оппозиционных идей. Кризис охватил теоретиков движения, но в арсенале народников было и свое «секретное оружие». Начало террористическому направлению в революционном движении, по мнению авторитетного советского историка М.Г. Седова, положили необоснованно и бессмысленно жестокие приговоры, вынесенные участникам «хождения» в царских судах (Седов, 1966: 67).

В этой связи, интересно суждение другого отечественного историка О.В. Будницкого о том, что главным событием в истории российского терроризма в эти годы, стал теракт, совершенный В.И. Засулич (Будницкий, 2000: 46). 24 января 1878 г. эта знатная дворянская девушка выстрелила в градоначальника Петербурга Ф.Ф. Трепова, который приказал совершить телесное наказание задержанного народника Емельянова. После покушения градоначальник оказался тяжело ранен, но Засулич была оправдана судом присяжных и «немедленно скрылась в Германии» (Жаринов, 1999: 57).

По нашему мнению, ключевыми событиями в истории явления стал в этот период ряд террористических действий (выстрел В. Засулич в Трепова, убийство в столице народником С. Кравчинским шефа жандармов Мезенцева и убийство боевиком Южного Исполнительного комитета Г. Попко жандармского офицера Гейкинга в Киеве) (Седов, 1966: 71-75). Вместе с тем, мы считаем, что на первый план также выходит и неудачный теракт, совершенный в центре Петербурга известным народником, уроженцем г. Луга Петербургской губернии А. Соловьевым против императора (2.04.1879 г.), а также его последствия для эволюции революционного насилия (Жаринов, 1999: 234-237). В результате теракта Александр II практически не пострадал. Однако это покушение на первого вельможу империи было, видимо, точкой бифуркации в развитии революционно-террористического процесса.

Так, летом 1879 г. в итоге ожидаемого раскола «Земли и воли» образовалась организация «Народная воля», которая в качестве крайней меры политической борьбы признавала возможным обратиться к террору. В рядах этой политической структуры находилось немало серьезных приверженцев террора, таких как А.Д. Михайлов, А.И. Желябов, С.Л. Перовская. В последующем народовольцы создали эффективную систему

конспирации и осуществления террористических операций, позволявшую совершать многочисленные теракты на территории всей европейской России против тщательно охраняемого императора. В сентябре 1879 г. революционный трибунал «Народной воли» приговорил Александра II к смерти. Начался народовольческий этап отечественного терроризма. За 2 неполных года «Народная воля» организовала и провела 8 покушений на жизнь царя-освободителя (Жаринов, 1999: 7). Император был убит народовольцами 1 марта 1881 г. в Петербурге (Вахрушев, 2011: 192).

Следующим этапом, на наш взгляд, явился терроризм начала XX в. Его начало было положено одиночным покушением уроженца г. Гомеля П.В. Карповича 14 февраля 1901 г. на министра просвещения Н.П. Боголепова (14.02.1901 г.) (Гусев, 1975: 60; Городницкий, 1998: 31). Царский министр и профессор римского права Боголепов ввёл в высших учебных заведениях «временные правила», что, по оценке Карповича и других радикальных оппозиционеров, было несправедливо. Эти правила позволяли министру отдавать в солдаты участников многочисленных студенческих выступлений конца XIX в. и начала прошлого века. Однако основными в этот период стали не насильственные действия террористов-одиночек, многих с неопределенной партийной принадлежностью и их одиночные теракты (П.В. Карпович, Н. Лаговский, Е.А. Алларт и др.), а появление новых крупных политических организаций, поддерживающих террор как метод политической борьбы против царизма. Так, несомненно, самым известным продолжением терроризма XIX в. нам представляется террористическая деятельность общероссийской партии социалистов-революционеров (ПСР) (Гусев, 1966: 8-9). Партия эсеров, как еще называли этих новых народников, была создана на рубеже XIX–XX вв. (о ее образовании объявили в январе 1902 г.) (Гусев, 1966: 6; Чернов, 2004: 194).

Терроризм стал специфической особенностью эсеровской тактики, унаследованной ими, в первую очередь, от народовольцев (Гусев, 1966: 9; Гусев, 1975: 52). При этом, конечно, нельзя отрицать и забывать богатый заграничный террористический опыт, о котором, естественно, знали российские оппозиционеры (Вахрушев, 2011: 192). В то же время, определяя цели своей террористической тактики, социалисты-революционеры заявили, что с помощью «цепи терактов» можно попытаться поднять народ на борьбу с самодержавием. Главной силой в этой борьбе должны были стать «неуловимые террористы», с которыми жандармерии и полиции будет очень сложно справиться (Гусев, 1966: 8).

Идейный руководитель эсеров, уроженец Саратовской губернии В.М. Чернов считал, что терроризм его партии был направлен против государственного насилия (Коновалова, Федорова, 2016: 121). В связи с этим отметим, что первым актом партийного террора стало покушение против представителя высшей государственной власти, а именно министра внутренних дел Д.С. Сипягина (Городницкий, 1998: 37). Это громкое на всю гигантскую империю убийство совершил 2 апреля 1902 г., член БО ПСР, бывший студент Киевского университета и тоже саратовец С.В. Балмашев (Гусев, 1975: 56).

Необходимо подчеркнуть, что террористические организации были частью партии эсеров. Наиболее известной террористической структурой партии была ее Боевая организация (БО), которая начала действовать осенью 1901 г. (Гусев, 1975: 56). Первую боевую группу эсеров начал создавать фармацевт Г.А. Гершуни, живший, в частности, в прибалтийском г. Шавли (в наши дни г. Шяуляй в Литве), а затем долгое время в Минске (Городницкий, 1998: 33-35).

К слову, в «Народной воле» одни и те же люди выступали в качестве, как идеологов и пропагандистов, так и террористов. Эсеры первыми привнесли в партийное структурирование принцип разделения труда, выделив из своего состава группу, единственной обязанностью которой являлась организация политических убийств. В то же время, вопреки широко распространённому мнению, что террористическая деятельность партии эсеров осуществлялась, прежде всего, этим террористическим формированием, основная масса терактов была совершена боевыми структурами региональных и местных организаций ПСР.

Терроризм в России активизировался накануне и, особенно, в ходе революции 1905–1907 гг. В 1902–1904 гг. партия эсеров развила субъекты терроризма и расширила объекты терроризирования. БО ПСР во главе с новым руководителем Е.Ф. Азефом совершила

4 теракта, в том числе убийство 15 июля 1904 г. Е.С. Созоновым министра внутренних дел В.К. Плеве (Гусев, 1975: 57; Городницкий, 1998: 96).

С началом революции 1905 г. партия эсеров, по данным известного историка К.В. Гусева, резко расширила свою террористическую деятельность (Гусев, 1975: 59–61). Одним из крупнейших организаторов террора в этот период помимо Е.Ф. Азефа, стал также Б.В. Савинков (Гусев, 1975: 83; Гусев, 1992: 20). В состав БО, по оценке Р.А. Городницкого, входило более 90 человек (Городницкий, 1998: 235).

В то же время, террористическая практика БО ПСР была лишь составной частью общей картины террористической тактики эсеров. БО ПСР за все время своего функционирования провела только 11 покушений, что очень мало с точки зрения общей статистики (5 % общего числа эсеровских терактов) (Жаринов, 1999: 130–133).

Кем же были проведены другие насильственные действия революционеров? После начала революции в осуществлении терактов, кроме БО ПСР стали принимать прямое участие и другие террористические подразделения (Гусев, 1975: 61). Тактика терроризма социалистов-революционеров породила множество различных террористических формирований. Так, в годы революции в терроре участвовали летучие боевые отряды, которые создавались при областных комитетах в крупных регионах России (Центр, Поволжье, Северо-Запад и др.). При большинстве губернских комитетов действовали боевые дружины. Подобные подразделения были и в некоторых уездных организациях партии. Всех их отличала разная степень партийного контроля, но руководство эсеров всегда стремилось к упорядочению их боевой деятельности и элементарному морально-нравственному поучению, что было очень важно и необходимо.

В эти годы терроризм вышел за границы Петербурга и Москвы и получил общеимперский уровень. Пик эсеровского терроризма пришелся на годы Первой русской революции (в центре страны – 1905 г., по регионам – летом-осенью 1906 г.). Всего с января 1905 г. по июнь 1907 г. эсеры осуществили 220 теракта (Будницкий, 2005: 28).

Отколовшиеся от ПСР, эсеры-максималисты во главе с М.И. Соколовым и В.В. Мазуриным создали не только свою обособленную партийную организацию в масштабе страны, но и свои террористические подразделения. Максималисты, как правило, рассматривали эти боевые группы, как структуры, непосредственно проводящие социальную революцию через посредство политических убийств и экспроприаций финансов. В революционные годы, по оценке все того же О.В. Будницкого, они совершили «самые кровавые и отвратительные теракты» (Гусев, 1975: 62; Будницкий, 2005: 28). Так, 12 августа 1906 г. в Петербурге тремя бомбами максималистами была взорвана дача российского премьер-министра П.А. Столыпина. При этом погибло около 30 человек и более 30 людей оказались ранены (Жаринов, 1999: 376). В 1906–1907 гг. максималистами было совершено около 50 терактов (Будницкий, 2005: 28).

Революционный терроризм не был чужд и другим политическим структурам Российской империи начала прошлого века. Так, например, собственные террористические формирования создали также социал-демократы (большевики) и многочисленные анархистские группы и союзы (Будницкий, 2005: 28; Жаринов, 1999: 7–8). Они также осуществляли разнообразные насильственные действия, как правило, против представителей царской власти.

Закончившаяся в первой половине 1907 г. революция не привела к прекращению террористических действий. Так, в российских регионах, в частности, в Поволжье мощно развилась одна из разновидностей террористической деятельности того времени – экспроприации эсеровскими боевыми дружинами казенных и личных денег на нужды революции (Кузнецов, 2010: 28). К слову, активно проводили экспроприации большевики. Среди них было немало известных и популярных потом членов партии. По стране продолжались отдельные партийные теракты. После 3 июня 1907 г. и до конца года эсеры совершили еще 13 терактов (Будницкий, 2005: 28).

С конца 1907 г. вместе с разгромом региональных и местных партийных структур революционный терроризм эсеров постепенно прекращается. Насилие становится редким и малозначительным, тактика оппозиционеров мельчает. В 1908 г. В.М. Чернов, обобщая сведения с мест в ходе общепартийной конференции в Лондоне, пришел к выводу о том, что

партийная организация «растаяла, улетучилась», а самоотстранение и эмиграция членов партии достигли «ужасающих размеров» (Панова, Толочко, 1996: 125).

В дальнейшем, как отметил К.В. Гусев, «террор умирал» (Гусев, 1975: 74). С 1908 г. происходит значительный спад террористического насилия партии эсеров, который продолжался несколько лет (1908–1911 гг.). Террористические организации либо оперативно уничтожались полицией и жандармами, либо превращались в неорганизованные ячейки и самостоятельно распадались, как, например, воссозданная в 1909 г. за границей Боевая организация ПСР во главе с ее третьим и последним руководителем Б.В. Савинковым. Сильнейший удар по эсерам и их террористической тактике нанесло разоблачение провокаторской деятельности Е.Ф. Азефа (Гусев, 1975: 72-73).

Мы считаем, что в эти годы постепенно оформляется период «постреволюционного терроризма», характеризующийся разложением террористических структур и деградацией этики терроризма, как одного из средств социально-политической борьбы. Одним из подтверждений этого стал теракт против Главы правительства П.А. Столыпина. Покушение совершил 1 сентября 1911 г. в Киеве Д.Г. Богров – человек очень путанной политической ориентации и неясной партийной принадлежности (Будницкий, 2000: 199). Его террористическое действие, как и некоторые другие в это время, уже носило очень сложный («особый») и неопределенный характер и имело мало общего с революционными целями декларированными оппозиционерами (Будницкий, 2000: 199). В апреле 1911 г. был распущен последний состав БО ПСР (Городницкий, 1998: 239). Эсеровский революционный террор в царской России закончился. Он будет возрожден уже в Советской России так же в оппозиционной форме, но с иными структурами, целями и задачами (Вахрушев, 2011; 192).

5. Заключение

Таким образом, на наш взгляд, история российского революционного терроризма начинается с московского кружка ищутинцев. Это была, по нашему мнению, очень серьезная организация, значение которой для исторической судьбы России нельзя недооценивать. В какой-то степени ими была создана первая в стране революционная сеть. В то же время, покушение Каракозова на царя 4. 04. 1866 г. нельзя полагать началом эпохи революционного терроризма в Российской империи. Учитывая характер организации, процесс подготовки теракта, личность исполнителя – это скорее акт «предреволюционного терроризма» (индивидуальная активность), чем рождение нового социального явления.

Первым русским революционным террористом, мы считаем, Нечаева. Однако созданную им «Народную расправу» трудно считать террористической структурой. Акт насилия, совершенный ее членами, 21. 11. 1869 г. имел, на наш взгляд, своего рода «сакральный» характер и не представлял угрозы царской власти. Это событие оказалось единственным реальным делом организации, деятельность Нечаева была тайной, а его «Катехизис революционера», как первая российская квазитеррористическая программа не был доступен широкому кругу оппозиционеров.

В крайней четверти XIX в. терроризм из одиночных акций радикалов трансформируется в идейно-организационное направление. Ему становились присущи своя экстремистская идеология политического насилия и организационные структуры разного уровня единства и управления. Начало этому процессу было положено в 1876 г. с покушений на своих предателей и полицейских провокаторов. В эти годы тактику терроризма продолжили новая «Земля и воля» (1878–1879 гг.) и некоторые другие народнические группы 1870-х гг.

С весны 1879 г. начинается переход оппозиционеров «Земли и воли» от анархистского аполитизма к признанию необходимости политической борьбы. Постепенно терроризм оформляется политическим по своему содержанию. При этом особое значение имел теракт, неудачно совершенный Соловьевым против императора и его последствия. Это был народнический этап российского терроризма (1878–1879 гг.). Именно в этот период можно говорить о рождении российского революционного терроризма как сложного социально-политического явления. В дальнейшем организация «Народная воля» устроила настоящую «охоту» на императора, создав народовольческий период терроризма (1879–1884 гг.) и убив 1. 03. 1881 г. Александра II.

В XX в. «террористическое наследие» российских народников и народовольцев, а также богатый заграничный террористический опыт в 1902–1911 гг. активно использовала партия социалистов-революционеров. Субъекты революционного терроризма эсеров были многочисленны и разнообразны. В ПСР действовали БО при ЦК партии, летучие боевые отряды при областных организациях и боевые дружины в губернских и уездных структурах. Это был уже революционный терроризм эсеров. Последним годом активного террора революционеров стал 1907 г. С 1905 г. по 1907 г. эсеры осуществили 233 теракта. В послереволюционные годы общеимперскую известность приобрел, пожалуй, лишь теракт против П.А. Столыпина в 1911 г.

В завершении отметим, что терроризм революционеров (оппозиционеров) в российском государстве постоянно эволюционировал, в первую очередь, вместе с партиями или организациями партийного типа, которые его проводили. По нашему мнению, можно выделить ряд периодов его длительного становления: предреволюционный терроризм (одиночные теракты), внутренний терроризм оппозиционеров (терроризм народников юга России), народнический терроризм (терроризм землевольцев), народовольческий терроризм (террор народовольцев), терроризм начала XX в. (эсеро-максималистский терроризм), постреволюционный терроризм (неорганизованный террор).

Опыт развития терроризма в нашей стране показывает, что это явление возникает там, где в обществе имеются, как правило, большие социально-экономические проблемы, нарушаются общественные представления о социальной справедливости, применяется неоправданное государственное-политическое и правовое насилие. В обозримом будущем мир без насилия, видимо, невозможен, и террористические угрозы для нашего государства, в первую очередь внешние, будут продолжать расти и дальше. Текущая жизнь подтверждает, что российский военнослужащий должен быть готов к борьбе, как против международного, так и внутреннего терроризма. В связи с этим, в первую очередь, российским офицерам требуются всесторонние современные знания о природе и сущности терроризма. Как следствие, на наш взгляд, постоянно возрастает значение изучения различных аспектов терроризма в системе высшего военного образования.

Литература

- Бердяев, 1990** – Бердяев Н.А. Русская идея // О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: Наука. 1990. С. 43-271.
- Будницкий, 2000** – Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: Российская политическая энциклопедия, 2000. 399 с.
- Будницкий, 2005** – Будницкий О.В. Терроризм и террористы // *Знание-сила*. 2005. № 1. С. 28-29.
- Вахрушев, 2011** – Вахрушев В.А. Исторические аспекты терроризма // *Вестник академии военных наук*. 2011. № 2 (35). С. 187-196.
- Витюк, 1993** – Витюк В.В. Терроризм постперестроечной эпохи // *Социологические исследования*. 1993. № 7. С. 42-50.
- Гейфман, 1997** – Гейфман А. Революционный террор в России. 1894–1917. / пер. с англ. Е. Дорман. М.: КРОНПРЕСС, 1997. 448 с.
- Городницкий, 1998** – Городницкий Р.А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. М.: РОССПЭН, 1998. 242 с.
- Гусев, 1966** – Гусев К.В. Крах мелкобуржуазных партий в СССР. М.: Знание, 1966. 260 с.
- Гусев, 1975** – Гусев К.В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М.: Мысль, 1975. 383 с.
- Гусев, 1992** – Гусев К.В. Рыцари террора. М.: Луч, 1992. 144 с.
- Жаринов, 1999** – Жаринов К.В. Терроризм и террористы: исторический справочник / Под общ. ред. А.Е. Тараса. Мн.: Харвест, 1999. 606 с.
- Квасов, 2005** – Квасов О.Н. Террористическая деятельность революционеров Центрального Черноземья, 1901–1911 годы. // *Вопросы истории*. 2005. № 8. С. 93-103.
- Квасов, 2010** – Квасов О.Н. Количественные параметры жертв революционного терроризма начала XX века. // *Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология*. 2010. № 2. С. 24-32.

- Квасов, 2012** – Квасов О.Н. Националистические аспекты российского терроризма начала XX в. // *Проблемы национальной стратегии*. 2012. № 6 (15). С. 206-215.
- Козьмин, 1929** – Козьмин Б.П. Революционное подполье в эпоху «белого террора». М.: 1929. 192 с.
- Коновалова, Федорова, 2016** – Коновалова О., Федорова В. В.М. Чернов: от терроризма к пацифизму. Эволюция мировоззрения и реалии Советской России // *Российская история*. 2016. № 1. С. 116-130.
- Кременчуцкий и др., 2005** – Кременчуцкий А.Л., Дворянов Е.Я., Волков В.Ф. Международный терроризм – главная угроза XXI века. Спб.: ВАС, 2005.
- Кузнецов, 2007** – Кузнецов В.Н. Pro et contra: жандармы и революционеры в Поволжье в 1906–1917 гг. Ульяновск, ГОУ ВПО «УлГПУ», 2007. 223 с.
- Кузнецов, 2010** – Кузнецов В.Н. Революционный террор и акты экспроприации в Поволжье в начале XX века // *Вопросы истории*. 2010. № 12. С. 24-38.
- Маньков, 2008** – Маньков А.В. Революционный терроризм в России конца XIX – начала XX веков (к вопросу об актуальности научной проблемы) // *XXI век: Человек, общество, наука: Сборник научных статей / Под общ. ред. профессора О.Ю. Ефремова; Военная академия связи, Санкт–Петербургский университет МВД России. Вып. 6, СПб, Астерион, 2008. С. 78-85.*
- Маньков, 2016** – Маньков А.В. Терроризм в России: история, настоящее и будущее (к 150-летию первого террористического акта) / *Инновационная деятельность в Вооруженных Силах Российской Федерации: труды. всеармейской научно-практической конференции*. 10–11 октября 2016 г. Спб.: ВАС, 2016. С. 388-391.
- Маньков, 2017** – Маньков А.В. К вопросу об истории терроризма: истоки, становление и эволюция в России // *Вестник Чувашского университета*. 2017. № 2. С. 93-98.
- Маньков, Минеева, 2017** – Маньков А.В., Минеева Е.К. Российский революционный терроризм // *Вопросы истории*. 2017. № 7. С. 67-76.
- Нехамкин, 2015** – Нехамкин С. Зандов кинжал // *Аргументы недели*. 2015. 1 октября. № 37 (478). С. 21.
- Панова, Толочко, 1996** – Панова В.И, Толочко Ф.Ш. Жандармские документы о Симбирских социалистах-революционерах (период революции 1905–1907 гг.) // *Симбирский вестник: Историко-краеведческий сборник*. Вып. III. Ульяновск, 1996. С. 113-125.
- Пелевин, 2014** – Пелевин Ю.А. Южные бунтари и «Чигиринский заговор» // *Российская история*. 2014. № 1. С. 130-150.
- Поляков, 2011** – Поляков А.Б. Революционный терроризм в Пензенской губернии в 1905–1907 гг. (по материалам источников личного происхождения) // *Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского*. 2011. № 23. С. 560-563.
- Седов, 1966** – Седов М.Г. Героический период революционного народничества. М.: Мысль, 1966. 364 с.
- Сергеенкова, 2009** – Сергеенкова В.В. Проблема терроризма в теории и практике российского революционного движения // *Працы гісторычнага факультэта БДУ*. Минск, 2009.
- Сухова, 2012** – Сухова О.А. Революционный терроризм в России конца XIX – начала XX века: историография, методология, факты // *Исторический вестник*. Том 2 (149). 2012. С. 136-174.
- Тихонов, 2009** – Тихонов А. Против террора – всем обществом // *Красная Звезда*. 2009. 13–19 мая. № 83 (25326). С. 8– 9.
- Федотова, 2003** – Федотова В.Г. Терроризм: от старого к новому // *Философские науки*. 2003. № 2. С. 5-25.
- Чернов, 2004** – Чернов В.М. Перед бурей: Воспоминания. Мемуары. Мн.: 2004.
- Щербаков, 2013** – Щербаков А.Ю. Терроризм. Война без правил. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2013. 464 с.
- Mankov et al., 2016** – Mankov A.V., Mineeva E.K., Mineev A.I., Shaypak L.A. Revolutionary terrorism: tactics, organizations and practice. *Vylye gody*, 2016, Vol. 42, Is. 4, pp. 1321-1327.

References

- Berdyaev, 1990** – *Berdyaev N.A.* (1990). Russkaya ideya. O Rossii i russkoi filosofskoi kul'ture: Filosofiy russkogo posleoktyabr'skogo zarubezh'ya [Russian idea. About Russia and Russian philosophical culture. Philosophers of the Russian post-October abroad]. M., Nauka Publ., pp. 43-271. [in Russian]
- Budnitskii, 2000** – *Budnitskii O.V.* (2000). Terrorizm v rossiiskom osvoboditel'nom dvizhenii: ideologiya, etika, psikhologiya (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.). [Terrorism in the Russian liberation movement: ideology, ethics, psychology (second half of XIX – beginning of XX century)]. M., Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya. ROSSPEN Publ., 399 p. [in Russian]
- Budnitskii, 2005** – *Budnitskii O.V.* (2005). Terrorizm i terroristy [Terrorism and terrorists]. *Znanie-sila*. № 1, pp. 28-29. [in Russian]
- Chernov, 2004** – *Chernov V.M.* (2004). Pered burei: Vospominaniya. Memuary [Before the storm: Memories. Memoirs]. Minsk, Harvest Publ., 416 p. [in Russian]
- Fedotova, 2003** – *Fedotova V.G.* (2003). Terrorizm: ot starogo k novomu [Terrorism: from old to new]. *Filosofskie nauki*. № 2, pp. 5-25. [in Russian]
- Geifman, 1997** – *Geifman A.* (1997). Revolyutsionnyi terror v Rossii. 1894–1917 [Revolutionary terrorism in Russia, 1894–1917]. Per. s angl. E. Dorman. M.: KRONPRESS. 448 p. [in Russian]
- Gorodnitskii, 1998** – *Gorodnitskii R.A.* (1998). Boevaya organizatsiya partii sotsialistov-revolutsionerov v 1901–1911 gg. [Fighting organization of the party of socialists-revolutionaries in 1901–1911]. M.: ROSSPEN. 242 p. [in Russian]
- Gusev, 1966** – *Gusev K.V.* (1966). Krakh melkoburzhuznykh partii v SSSR [The collapse of petty-bourgeois parties in the USSR]. M.: Znanie. 260 p. [in Russian]
- Gusev, 1975** – *Gusev K.V.* (1975). Partiya eserov: ot melkoburzhuznogo revolyutsionarizma k kontrrevolyutsii [Party of socialist-revolutionaries: from petty-bourgeois revolutionism to counter-revolution]. M.: Mysl'. 383 p. [in Russian]
- Gusev, 1992** – *Gusev K.V.* (1992). Rytsari terror [Knights of terror]. M.: Luch. 144 p. [in Russian]
- Konovalova, Fedorova, 2016** – *Konovalova O., Fedorova V.* (2016). V.M. Chernov: ot terrorizma k patsifizmu. Evolyutsiya mirovozzreniya i realii Sovetskoi Rossii [V.M. Chernov: from terrorism to pacifism. Evolution of worldview and realities of Soviet Russia]. *Rossiiskaya istoriya*. № 1. Pp. 116-130. [in Russian]
- Koz'min, 1929** – *Koz'min B.P.* (1929). Revolyutsionnoe podpol'e v epokhu «belogo terrora» [Revolutionary underground in the era of "white terror"]. M.: 192 p. [in Russian]
- Kremenchutskii i dr., 2005** – *Kremenchutskii A.L., Dvoryanov E.Ya., Volkov V.F.* (2005). Mezhdunarodnyi terrorizm – glavnaya ugroza XXI veka [International terrorism – the main threat of the XXI century]. Saint Petersburg, Military Academy of Communications Publ. [in Russian]
- Kuznetsov, 2007** – *Kuznetsov V.N.* (2007). Pro et contra: zhandarmy i revolyutsionery v Povolzh'e v 1906–1917 gg. [Pro et contra: gendarmes and revolutionaries in the Volga region in 1906–1917]. Ul'yanovsk, GOU VPO «UlGPU». 223 p. [in Russian]
- Kuznetsov, 2010** – *Kuznetsov V.N.* (2010). Revolyutsionnyi terror i akty ekspropriatsii v Povolzh'e v nachale XX veka [Revolutionary terror and acts of expropriation in the Volga region at the beginning of the 20th century]. *Voprosy istorii*. № 12. Pp. 24-38. [in Russian]
- Kvasov, 2005** – *Kvasov O.N.* (2005). Terroristicheskaya deyatelnost' revolyutsionerov Tsentral'nogo Chernozem'ya, 1901–1911 gody [Terrorist Activity of the Revolutionaries of the Central Chernozem Region, 1901–1911]. *Voprosy istorii*. № 8. Pp. 93-103. [in Russian]
- Kvasov, 2010** – *Kvasov O.N.* (2010). Kolichestvennye parametry zhertv revolyutsionnogo terrorizma nachala XX veka [Quantitative parameters of victims of revolutionary terrorism of the early XX century]. *Vestnik VGU. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya*. № 2. Pp. 24-32. [in Russian]
- Kvasov, 2012** – *Kvasov O.N.* (2012). Natsionalisticheskie aspekty rossiiskogo terrorizma nachala XX v. [Nationalist aspects of Russian terrorism of the early XX century]. *Problemy natsional'noi strategii*. № 6 (15). Pp. 206-215. [in Russian]
- Man'kov, 2008** – *Man'kov A.V.* (2008). Revolyutsionnyi terrorizm v Rossii kontsa XIX – nachala XX vekov (k voprosu ob aktual'nosti nauchnoi problemy) [Revolutionary terrorism in Russia of the late XIX – early XX centuries (on the relevance of scientific problems)]. XXI vek:

Chelovek, obshchestvo, nauka: Sbornik nauchnykh statei. Pod obshch. red. professora O.Yu. Efremova; Voennaya akademiya svyazi, Sankt–Peterburgskii universitet MVD Rossii. Vyp. 6, SPb, Asterion. Pp. 78-85. [in Russian]

Man'kov, 2016 – *Man'kov A.V.* (2016). Terrorizm v Rossii: istoriya, nastoyashchee i budushchee (k 150-letiyu pervogo terroristicheskogo akta) [Terrorism in Russia: history, present and future (to the 150th anniversary of the first terrorist act)]. *Innovatsionnaya deyatel'nost' v Vooruzhennykh Silakh Rossiiskoi Federatsii: trudy. vsearmeiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. 10–11 oktyabrya 2016 g.* Spb.: VAS, pp. 388-391. [in Russian]

Man'kov, 2017 – *Man'kov A.V.* (2017). K voprosu ob istorii terrorizma: istoki, stanovlenie i evolyutsiya v Rossii [On the History of Terrorism: Origins, Formation and Evolution in Russia]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta.* № 2, pp. 93-98. [in Russian]

Man'kov, Mineeva, 2017 – *Man'kov A.V., Mineeva E.K.* (2017). Rossiiskii revolyutsionnyi terrorizm [Russian revolutionary terrorism]. *Voprosy istorii.* № 7. Pp. 67-76. [in Russian]

Mankov et al., 2016 – *Mankov A.V., Mineeva E.K., Mineev A.I., Shaypak L.A.* (2016). Revolutionary terrorism: tactics, organizations and practice. *Bylye gody.* Vol. 42, Is. 4, pp. 1321-1327.

Nekhamkin, 2015 – *Nekhamkin S.* (2015). Zandov kinzhal [Zands dagger]. *Argumenty nedeli.* 1 oktyabrya. № 37 (478). P. 21. [in Russian]

Panova, Tolochko, 1996 – *Panova V.I., Tolochko F.Sh.* (1996). Zhandarmskie dokumenty o Simbirskikh sotsialistakh-revolutsionerakh (period revolyutsii 1905–1907 gg.) [Gendarmers' documents on the Simbirsk Socialists-Revolutionaries (the period of the revolution of 1905–1907)]. *Simbirskii vestnik: Istoriko-kraevedcheskii sbornik.* Vyp. III. Ul'yanovsk. Pp. 113-125. [in Russian]

Pelevin, 2014 – *Pelevin Yu.A.* (2014). Yuzhnye buntari i «Chigirinskii zagovor» [Southern rebels and «Chigirin conspiracy»]. *Rossiiskaya istoriya.* № 1. Pp. 130-150. [in Russian]

Polyakov, 2011 – *Polyakov A.B.* (2011). Revolyutsionnyi terrorizm v Penzenskoi gubernii v 1905–1907 gg. (po materialam istochnikov lichnogo proiskhozhdeniya) [Revolutionary terrorism in the Penza province in 1905–1907 (on the base of personal origin sources)]. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.G. Belinskogo.* № 23. Pp. 560-563. [in Russian]

Sedov, 1966 – *Sedov M.G.* (1966). Geroicheskiy period revolyutsionnogo narodnichestva [Heroic period of revolutionary populism]. M.: Mysl'. 364 p. [in Russian]

Sergeenkova, 2009 – *Sergeenkova V.V.* (2009). Problema terrorizma v teorii i praktike rossiiskogo revolyutsionnogo dvizheniya [The Problem of terrorism in the theory and practice of the Russian revolutionary movement]. Pratsy gistorychnaga fakul'teta BDU. Minsk. [in Russian]

Shcherbakov, 2013 – *Shcherbakov A.Yu.* (2013). Terrorizm. Voina bez pravil [Terrorism. War without rules]. M.: ZAO «OLMA Media Grupp», 464 p. [in Russian]

Sukhova, 2012 – *Sukhova O.A.* (2012). Revolyutsionnyi terrorizm v Rossii kontsa XIX – nachala XX veka: istoriografiya, metodologiya, fakty [Revolutionary terrorism in Russia of the late XIX – early XX century: historiography, methodology, facts]. *Istoricheskii vestnik.* Tom 2 (149). Pp. 136-174. [in Russian]

Tikhonov, 2009 – *Tikhonov A.* (2009). Protiv terrora – vsem obshchestvom [Against terror-the whole society]. *Krasnaya Zvezda.* 13–19 maya. № 83 (25326). Pp. 8-9. [in Russian]

Vakhrushev, 2011 – *Vakhrushev V.A.* (2011). Istoricheskie aspekty terrorizma [Historical aspects of terrorism]. *Vestnik akademii voennykh nauk.* № 2 (35), pp. 187-196. [in Russian]

Vityuk, 1993 – *Vityuk V.V.* (1993). Terrorizm postperestroechnoi epokhi [Terrorism post-perestroika]. *Sotsiologicheskie issledovaniya.* N 7, pp. 42-50. [in Russian]

Zharinov, 1999 – *Zharinov K.V.* (1999). Terrorizm i terroristy: istoricheskii spravochnik [Terrorism and terrorists: a historical Handbook]. Pod obshch. red. A.E. Tarasa. Minsk, Kharvest Publ., 606 p. [in Russian]

История терроризма: революционный терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.)

Андрей Васильевич Маньков ^{а, *}

^а Военная академия связи имени С.М. Буденного, Российская Федерация

Аннотация. В статье проводится исторический анализ российского революционного терроризма. Автор исследует истоки генезиса и особенности становления революционного терроризма в нашей стране в XIX в. и эволюцию его организационных форм в начале XX в. Основное внимание уделено истории крупнейших российских народнических революционно-террористических организаций (ишутинцы, «Народная расправа», «Земля и воля» и «Народная воля»), а также террористической тактики партии социалистов-революционеров (эсеров). Приводятся наиболее важные факты их террористической практики. Сделан вывод о том, что в своей истории российский революционный терроризм прошел несколько этапов: народнический, народовольческий, эсеровский и другие.

Ключевые слова: терроризм, этапы терроризма, революционно-террористические организации, теракт, народники, ишутинцы, «Народная расправа», «Земля и воля», «Народная воля», партия социалистов-революционеров, акты «внутреннего терроризма», военнослужащие.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: 63donetsk@mail.ru (А.В. Маньков)
